

Евгений Евтушенко и Василий Аксенов в ЦДЛ, 1964 год. Фото С.И.Васина

Издательство ОГИ готовит к печати новую книгу Дмитрия Петрова «Соло на судьбе с оркестром. Хроника времен Анатолия Гладилина». И, думается, вовремя. Волны слов смывают тексты и имена. Стоит видному писателю год-два не бывать в России, не издавать книг, не выступать с телеэкрана и в Сети, как его забывают. Так вышло с Гладилиным — родоначальником жанра «исповедальной прозы», лидером «шестидесятников», в 70-х — звездой «радиоголосов», а начиная с конца 80-х — частого гостя московских редакций и телестудий.

В 90-х–2000-х годах его новые тексты охотно издавали, старые — выпускали вновь. Немало шума наделали книги «Улица генералов», «Тень всадника» и «Жулики, добро пожаловать в Париж». Но в 2016-м он перестал бывать в России, а в 2018-м погиб. И вскоре почти растворился в потоке новых событий, заглавий и имен. Дмитрий Петров возвращает Гладилина — человека феерической судьбы — в российский культурный контекст.

Мы публикуем журнальную версию главы его книги, повествующую о доме на Поварской — легендарном Центральном доме литераторов и, конечно, знаменитом на всю Москву ресторане ЦДЛ.

1.

В советской Москве много удивительного. И каждый дивится чему-то своему.

Скажем, графиня Мария Олсуфьева удивленно замирает перед своим домом на Поварской, когда поэт Андрей Вознесенский приглашает ее в Центральный дом литераторов.

В Дубовом зале они садятся у колонны с искусно вырезанным ангелом. А она всё повторяет: «Это же мой дом...» А потом: «Я бы взглянула на мою детскую. Это — вот за теми дверьми!..»

«Ее лицо, — пишет Вознесенский, — озарилось. Стало похоже на детское личико барельефа. Рука затрепетала. Как, наверное, сердце ее сжалось...»

«Что там сейчас? — На дверях детской спальни табличка «Партком».

Познакомились они без ведома парткома.

Славный издатель-нонконформист Джанджакомо Фельтринелли зимой 1962-го устроил поэту тайный визит из Франции, где тот выступал, в Италию.

В ту пору автор из СССР за границей не был *сам себе хозяин*. Он следовал по утвержденному маршруту и сообщал о встречах. Но Джанджакомо, узнав о приезде Андрея, решил купить эксклюзивные права на его тексты. К Вознесенскому прибыл посланец в лимузине с просьбой о встрече. «Это походило на сцену из триллера, — вспоминал Андрей Андреевич, — ...Меня привезли на какую-то виллу... Я ощутил в Фельтринелли страсть к приключениям, которая мне столь дорога. <...> Я вел себя как прожженный автор, залпом заглатывая виски». Договорились о приобретении прав на публикации в Италии. Фельтринелли предложил солидную сумму, но услышал отказ.

— Сколько же вы хотите? — спросил он изумленно.

— В десять раз больше!

Джанджакомо, распушив знаменитые усы, выбежал вон. Но вскоре вернулся:

— Договорились. Как вам уплатить — чеком или перевести на счет?

Станный вопрос. Он же уже издал «Доктора Живаго» и знал: говорить с советскими людьми о счетах и чеках нет смысла. Андрей о них только читал. И с последней прямоотой заявил:

— Нет. Всё сразу. Наличными.

— Хорошо-хорошо, — ответил Джанджакомо, готовый ко многому. — Но нужно ехать в Италию.

Он устроил Вознесенскому визу на вкладыше — чтобы не оставлять в паспорте следа. И вот Вознесенский в Риме бросает таксисту: «В лучший отель». И катит на площадь Испании.

— Едем, — говорит Фельтринелли на очередной тайной встрече. — Познакомлю вас с переводчицей. Вашу первую книгу переведет графиня — знаток русской литературы.

И Мария Олсуфьева героически справляется со словами «лажа» и «а на фига?» в его стихах. А ее дочка — юная богемщица — водит поэта по молодежным ту-совкам.

— У меня есть дом на Поварской, — роняет как-то графиня...

2.

В старину здесь был путь из Московского кремля в Новгородский. При Петре I — стояли палаты Борятинских, Волконских, Гагариных, Голицыных, Долго-руковых. В XIX веке жил цвет купечества — Морозовы, Миндовские, Рябушин-ские, Фирсановы. Живали и звезды литературы — Бунин, Державин, Давыдов, Лермонтов, Огарев.

В 1905-м за этот стратегически важный путь от Арбатской площади к Пресне люто бьются. В двух шагах от Кремля!

В октябре 1917-го бьют из пушек по Кремлю с Воробьевых гор (не зря их после прозвали Ленинскими). А весной 1918-го с боем берут уж и дома, занятые товарищами — анархистами. В том числе, и на Поварской.

И вот, пишет в «Окаянных днях» Иван Бунин, из них «вывозят и вывозят ку-да-то мебель, ковры, картины...». И палят в печках мебель. Всюду грязь, каторж-ные рожи, вонючие тюфяки и сонмы блох.

В дом Олсуфьевых вселяют бедноту. Но она чудом не приводит его в ничто-жество, лишь малость разобрав на топку пол и повредив убранство.

А оно роскошно! И в годы, о коих речь, частично сохранилось.

Готика. В парадном зале свет струится сквозь цветные витражи. Стены отде-ланы панелями, обтянуты тканью. Наборный паркет. Редкой красы деревянная лестница. Над ней — огромный гобелен. Резные колонны — тончайший узор. Стрельчатые порталы, винтовые лесенки и камин, делают интерьер роскошным и пышным, не лишая уюта.

Все строительные и отделочные работы выполнены по эскизам архитектора Петра Бойцова, коему первый владелец дома князь Борис Святополк-Четвертин-ский заказал проект. В итоге в 1887 году Поварскую украсил особняк, схожий с замками Европы эпохи Ренессанса, но с явными отголосками барокко.

Увы, князь недолго тешился роскошью — в 1890-м скончался. И дом продали графине Александре Олсуфьевой — жене генерала и сочинителя Алексея Олсу-фьева — биографа поэта Марциала.

Здесь начинается литературная история дворца. Новые владельцы знакомы с людьми искусства, в том числе с поэтом Фетом, посвятившим хозяйке стихи:

В смущенье ум, не свяжешь взглядом,

И нем язык:

Вы с гиацинтами, — и рядом

Больной старик.

Но безразлично, беззаветно

Власть Вам дана:

Где Вы царите так приветно, —

Всегда весна.

Кроме увлечения литературой, граф известен как масон. У него проходят собрания ложи. В гостиной стоит бронзовый юноша-сеятель — герой евангельской притчи, масонский символ трех фаз жизни, трех царств природы, и завета «Правильно думать, правильно говорить, правильно делать». Так и поступают Олсуфьевы, посвящая время искусствам и благотворительности. До перехода Москвы под власть большевиков.

При ней сменяют другу друга разные учреждения. А в 1932-м по просьбе Горького открывают Клуб литераторов — штаб боевого отряда советской словесности — Союза писателей. И как когда-то матросы с сигарками и винтовками ворвались в Зимний, красные творцы заняли дворец на Поварской.

3.

И загудели. В детской расселся партком. А в холле устроили ресторан. По случаю собраний, проработок и похорон столы и стулья убирали, вносили скамьи и устраивали торжество соцреализма или прощание с корифеями.

Порой, как в поэме Есенина — «кто всерьез рыдал, а кто — глаза слюнил». Говорят, на панихиде по Константину Симонову, когда ораторы зачитывали по бумажке холодные слова, ужасаясь казенщине, Мариэтта Шагинян сказала поэту Якову Козловскому: «Пусть меня публично не хоронят. Пусть у гроба будут только родные, а это ведь срам!» Услышав это, ее соседка шепнула: «Ну как же можно, Мариэтта Сергеевна, лишать народ возможности проститься с вами?»

Но это будет в 1979-м — в большом зале нового здания, со входом с улицы Герцена — ныне Никитской. А улицу, где стоит дом Олсуфьевых, при советах называют в честь Вацлава Воровского — посланца мирового большевизма. В 1923-м в Лозанне он гибнет от руки эмигранта Мориса Конради. Тот сдает оружие, говоря: «Я сделал доброе дело — русские большевики погубили всю Европу... Это пойдет на пользу миру». Конради оправдают присяжные, пораженные свидетельствами об ужасах русской смуты.

В Москве смерть Воровского — повод для пропагандистской кампании. У здания Наркомата иностранных дел ему ставят памятник, называют его именем улицу, ему посвящают стихи. Кстати, когда-то Воровской, следуя моде, пописывал рецензии и фельетоны под псевдонимами П. Орловский, «Фавн» и «Профан».

То есть Центральный дом литераторов расположен на улице имени человека, не чуждого литературе.

И вот, завершив труды, писатели садятся за столы угощаться тем, что послала им советская власть.

Если в Доме Герцена, по словам Булгакова, кухня козыряла судачками а-натюрель, а здесь в 30-х подавали чудные жульены, то со временем всё изменилось. И вот уже Василий Аксенов в «Ожоге» пишет о коронных цэдээловских блюдах — «мерзейшем столичном салате», «солянке сборной» и «рыбном ассорти» — кучке полуяиц с комочками икры в компании ломтиков красной рыбы и шпрот — мумий в зеленых завитках... Всё «слегка пожухлое, неяркое, не совсем настоящее, невалютное и уж, точно, не кремлевское — лакомое блюдо аристократического плебса «жуй-не-хочу»...

Аристократический плебс! Прямо в точку. Уж кто-кто, а Аксенов его знал. Ведь часы, прожитые здесь знатоками всех тутошних входов и выходов Аксеновым и Гладилиным, пожалуй, сложатся во многие месяцы. Им ли не ведать, что творилось в ЦДЛ? И им ли молчать? Вспомним один из эпизодов «Ожога»:

«Легенда ЦДЛ — Аркадий Семенович Бродский. Как-то заезжий великан-шахтер-прозаик, отгуляв на банкете, с утра пришел поправиться. Да и задремал, положи буйну голову на столик. Его заметил директор Дома и вызвал Бродского.

Тот подошел к гиганту и крикнул яростным дискантом:

— Прошу вас встать и покинуть Дом!

Дальнейшее передает поэт Олег Дмитриев: «Голиаф поднялся, тряся головой и стал, оглядываясь, искать нарушителя своего безмятежного сна. А откуда-то снизу, от его локтя, снова раздалось: «Покиньте наш Дом!»

Писатель посмотрел вниз и увидел Аркадия Семеновича. Удивлению его не было предела. Ничего не понимая, он пророкотал:

— Это ты мне?

— Именно вам!

Проснувшийся спящий заплакал и, протирая глаза кулаками, побрел к выходу».

Другую историю о стражах ЦДЛ рассказывает Гладилин:

«По воскресеньям и праздникам клуб был закрыт — персонал имел право на отдых. Но Новый год, Старый новый год, Восьмое марта, Первое мая, Седьмое ноября — праздновали. Столики заказывали заранее, администрация составляла списки. У тех, кого в списках не было, не было и шансов пройти. В комнатах, прилегающих к Дубовому залу, ставили столы; включая и партком. <...>

И вот — какой-то праздник. Мы с Юлианом Семеновым в фойе наблюдаем двери — его и мои гости запаздывают, и мы, значит, на стреме. Они в списках, но мало ли что? Церберы у дверей зевают, но бдят. И тут появляется высокий худой человек с густой кудрявой шевелюрой и о чем-то говорит с охраной. Мы их не слышим. Но они явно недовольны и сомкнули ряды «нерушимой стеной обороной стальной».

Мы с Семеновым переглядываемся. Он говорит:

— По-моему, это Ландау.

— Да, вроде он, — отвечаю я.

Мы решаем помочь, а того уже нет. Бежим на улицу, но его машина резко стартует от тротуара. <...> Думаю, мы с Семеновым провели бы Дау в ЦДЛ, а дирекция нашла бы лишний стул. Другое дело: захотел бы он сам войти...»

До 2000 года охрана бдит неукоснительно. Ну, как впустить в храм искусств кого попало с улицы, если внутри столько всего, чего нет снаружи? И пройти туда можно только с членским билетом или с кем-то, кто как Наровчатов об Окуджаве церберу рявкнет: «Со мной!»

4.

В буфете самовластно царит Полина Григорьевна. Вообразите: подходит к ней знаменитость. Может, поэт Ваншенкин, а, может, Смеляков. И просит кило апельсинов. Или бананов. Пойдите, поищите, где вам в Москве так просто их взвесят. Рано или поздно, может, найдете. А тут — раз, и готово.

Но весы у Полины под стойкой. И оказавшаяся рядом официантка Шурочка, покупателю подмигивает: мол — недовес. Ладно — машет рукой Константин Яковлевич или Ярослав Васильевич. Не важно. Важно, что постоянным клиентам, если у них нет денег, она наливает в кредит, записывая: столько-то граммов. «Граммпзапись» — называет это Михаил Светлов. А уж он-то знает, что говорит. Не раз оставлял он седло, сползая на землю в этом раю. И бывал утираем и отправляем домой в виде лучшем из доступных.

И не он один. Потому-то писатели относились к официанткам ЦДЛ с почтением. Они — не обслуга! Как можно? «Они были нашей семьей, — напишет, вспоминая былое, Вознесенский, — служительницы ЦДЛ были жрицами не только жратвы, но и литературы».

Кому еще скажешь о пьяном друге, как герой «Ожога» — подавальщице Лине: «Принеси Вадиму стакан коньяку. А после смены к себе вези, понятно? А утром мне позвони!» И кто со всегдашней пионерской готовностью, а то и с комсомольским задором, ответит: — Лады!

И ты поймешь: вот в чем сила этого творческого острова, затерянного в мути советской повседневности — в «необъятной Линкиной заднице, при виде которой на душе каждого «деятеля культуры» становится спокойнее: бушуй, мол, русская душа, тыл обеспечен!»

5.

Так корифеи и молодежь общались в кабаках и буфетах своих клубов: артисты — в Доме актера на углу Горького и Пушкинской, киношники — в Доме кино на углу 2-й Брестской и Васильевской, и Доме киноактера напротив ЦДЛ. Композиторы, журналисты, архитекторы и художники — в своих домах с ресторанами, и все вместе — в ЦДРИ на Пушечной — за «Детским миром». Всё они — окрестности Дома литераторов.

Официантки Центрального дома литераторов, 1969 г.

Часто компании перетекали из клуба в клуб. И всюду, но, большей частью в ЦДЛ, встречали людей из иной организации. Может, потому, что в их доме культуры на Большой Лубянке не было ресторана с подачей напитков?

Гладилин вспоминает: «В мемуарах сталинского палача Павла Судоплатова я прочел, что отставные высокопоставленные гзбешники любили обедать и ужинать в ЦДЛ, хотя официально это было запрещено. Впрочем, Судоплатов, как старый темнила, не уточняет, как его пропускали. Думаю, не обошлось без Виктора Николаевича Ильина...»

Виктор Ильин — фигура важная. В прошлом комиссар госбезопасности. Проводит под следствием девять лет. Приговор: 8 лет и 10 месяцев — срок, фактически проведенный в предварительном заключении. Воля. Союз писателей и пост секретаря по оргвопросам его Московского отделения до самой пенсии в 1977-м.

Всё это коллеги узнают после его смерти. А до того лишь передают друг другу слухи о его странной судьбе. Гибнет он, как жил — 11 сентября 1990 года на пешеходном переходе его насмерть сбивает машина и исчезает. Хоронят на Ваганьковском.

Надо признать: важные вопросы без Виктора Николаича не решали. Но чтобы войти в ЦДЛ ветерану тайной войны Судоплатову — организатору убийства Троцкого — его помощь была не обязательна.

Но вернемся к рассказу Гладилина.

«Ресторан делился на два зала — Пестрый и Дубовый. Пестрый походил на европейское кафе, где можно пить что угодно, есть пирожки и бутерброды, а съев — уйти. Иногда, утрясая свои дела, я мог часами там сидеть, попивая кофе и покуривая. Курили, впрочем, все. <...>

Я с доброй компанией любил ужинать в Дубовом. А так пробегал его с дикой скоростью, чтоб меня никто не затянул за стол.

Но один человек успевал. Большой, симпатичный, он обычно восседал один на один с обильной едой и выпивкой, и был искренне ко мне расположен, читал и любил мои книги... Но увы, беседы сопровождал вечный рефрен: «Толь, ну давай, выпей рюмочку». Тогда я видел: надо соглашаться или уходить. Ибо категорически не желал смешивать водку с серьезными беседами. Так что под удобным предлогом валил.

Я знал: он пишет фантастику. А я ее если и читал, то только зарубежную: Лема и Бредбери — очень ценю его «451 градус по Фаренгейту». А советских не жаловал. Дескать, что они могут придумать? Но много позже, читая его книги, удивленно повторял: ого!...

Как-то мы толковали со студентом. Он меня узнал, заговорил о литературе.

— А что вы, молодежь, теперь читаете? — спросил я.

— В основном научную фантастику.

— И кто у вас самый популярный писатель?

— Братья Стругацкие.

— Не Аксенов? — изумился я.

Он пожал плечами: Ну, и Аксенов... Но на первом месте Стругацкие.

— Я никогда не видел Бориса Стругацкого, — сказал я. — Он ленинградец. А вот с Аркадием Натановичем мы довольно часто сидим в ЦДЛ...

— Вы знакомы с Аркадием Натановичем? — восторженно воскликнул собеседник...

Потом я прочел все книги Стругацких. Но уже в эмиграции».

б.

Но, конечно, ЦДЛ — это не только место дружеских обедов и веселых безобразий.

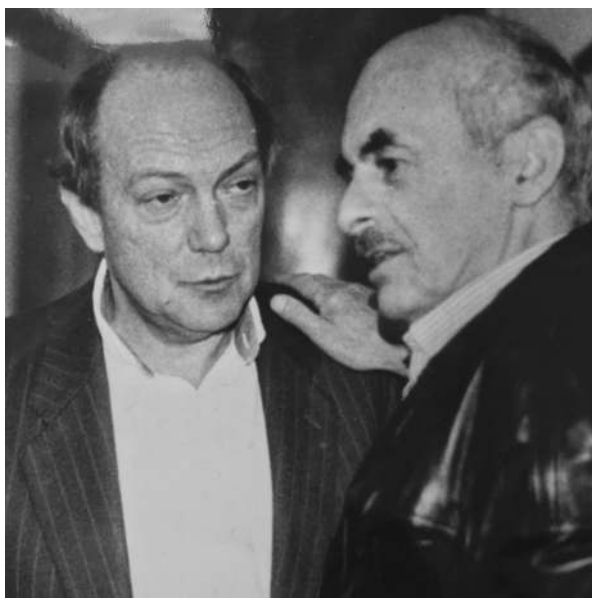
Это сюда с белым, безжизненным лицом в начале марта 1963 года пришел Василий Аксенов после скандала, устроенного Хрущевым в Кремле ему и Вознесенскому. А Гладилин взял его под руку. Отвел к буфету. Заказал полный фужер коньяку. И медленно влил его в друга. Тот чуть ожил и прошептал: «Толька, полный разгром. Теперь всё закроют. Всех передошата...» И поведал, как оголтелый глава правительства орал Андрею:

— Господин Вознесенский, вон из нашей страны, вон!

— Позор! Вон из страны! — вторил ему обезумевший зал.

— Товарищи, — разогревал истерику Никита, — идет борьба, борьба историческая, здесь либерализму нет места, господин Вознесенский!.. Мы не те, кто были в клубе Петефи... Завтра получите паспорт, уезжайте к чертовой бабушке, туда, к своим. <...> В тюрьму мы вас сажать не будем, но если вам нравится Запад — граница открыта».

А.Гладилин и Б.Окуджава на вечере в ЦДЛ

В зале креп буйный хор: «Долой! Позор! В Кремль — без белой рубашки, без галстука?! Битник!» Мало кто знал, что значит «битник», но — какая разница? Всё равно заведенные вожаком творцы соцреализма истошно вопили: «Битник! Позор!»

«Битники», «члены клуба Петефи» и их образ жизни в ту пору страшат охранителей. Зря что ли про галстук кричит глава КГБ Александр Шелепин.

А вождь, указывая на поэта, объявляет: «Для таких будут жестокие морозы».

И морозы настали.

Здесь — в ЦДЛ — Аксенов и Георгий Владимов решили

составить письмо в защиту подсудимых писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля, и отправились в редакцию «Юности», где написали его вместе с Гладилиным. Четвертым его подписал Евтушенко. Гладилин просил друзей не давать письмо Вознесенскому, выдвинутому на Ленинскую премию — подпись могла ему помешать. «Андрей, узнав про это, жутко обиделся и подписал. Как и Рождественский», — рассказывал Гладилин в интервью газете «Сегодня».

Речь идет не о широко известном «Письме 62-х», с просьбой отпустить осужденных писателей на поруки, подписанном видными литераторами после вынесения приговора и изданном в «Литгазете» 19 декабря 1966 года, а о куда менее известном «Письме 20-ти», составленном, подписанном и отправленном еще во время процесса.

Нынче знают и помнят о нем не слишком многие. Да и свидетельства составителей не во всем совпадают. Однако — позволяют утверждать, что письмо такое было. Василий Аксенов в публикации в «НГ Ex Libris», посвященной 80-летию Андрея Синявского, сообщает: «Я пришел в ЦДЛ, где ждали друзья, и мы немедленно пошли с Владимовым и Гладилиным писать возмущенное письмо — почему-то в «Леттр Франсез», главным редактором которого был Луи Арагон, с призывом протестовать против этого судилища».

«Ко мне подошел Василий Аксенов в клубе литераторов, — вспоминает Владимов в журнале «Знамя», — и спросил: «Как тебе все это нравится?» Тогда шел

как раз суд. Я сказал, что мне это не очень нравится. Он сказал: «Надо выступить. Как ты думаешь?» Я сказал: «Конечно, надо выступить». Причем оба поняли «надо выступить» — конечно же, в защиту! И мы тут же с ходу пошли в редакцию «Юности», где никого не было, кроме Гладилена. И мы втроем быстренько... составили письмо, в котором просили вообще не судить Синявского и Даниэля, так как они — писатели. Нельзя судить писателя за слово — такова была наша просьба к Косыгину, Подгорному и Брежневу. Мы изготовили три экземпляра и послали по адресам, не догадавшись оставить себе один экземпляр для прессы. Подписали двадцать человек: Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Василь Быков, Окуджава, Белла Ахмадулина, Гладилин, мы с Аксеновым, Муля Дмитриев и другие».

В книге «На виртуальном ветру» Андрей Вознесенский пишет: «Первым письмом в защиту Синявского и Даниэля, а может быть, и первой ласточкой подобных документов было «Письмо 18-ти», подписанное В. Аксеновым, А. Гладилиным, Г. Владимовым, В. Войновичем и другими. Стояла под письмом и моя подпись».

Сам же Гладилин в интервью Виталию Дымарскому для «Российской газеты» говорит: «Его составили мы втроем — Аксенов, Владимов и я, подписали все наши ребята».

Как видим, ЦДЛ — это не только клуб для общения и развлечений, где *девушку с глазами дикой серны полюбил суровый капитан и из-за пары расстрепанных кос, что пленили своей красотой, с оборванцем подрался матрос, подстрекаемый шумной толпой...* Где, пока нет скандалов и драк, *скрипка без слов играет танго цветов*. А гости, найдя свободный столик, мирно заказывают порционные блюда, но для начала просят сто граммов с «прицепом». И все прекрасно знают, какие там ликеры, какие коньяки.

О, нет. Это еще и обитель вольномыслия. Что для многих куда более ценно.

Фотографии взяты из интернета